

УДК 339.924

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПО-КИТАЙСКИ

Егорова Маргарита Юрьевна, кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Аннотация

В статье проанализированы некоторые перспективы развития Концепции устойчивого развития, как одной из возможных мировоззренческих основ современной евразийской интеграции, флагом которой становится Китай. Понятие устойчивого развития, в его настоящей интерпретации, рассмотрено с позиции содержания в нем смыслов, важных для традиционной китайской культуры и идеологии. Сделан вывод о недостаточной разработанности этого понятия в китайском языке. Рассмотрены стратегически важные с точки зрения мировоззрения китайцев факторы международного взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: евразийская интеграция, устойчивое развитие, проект нового «Шелкового Пути», премия Тан, идеологемы, теория «сяокан-датун», экологические и техногенные катастрофы, фундаментальные научные открытия.

EURASIAN INTEGRATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT ON CHINESE MANNER

Egorova Margarita Yurievna, Candidate of Philosophy, associated professor of Moscow State Technical University n.a. N.E. Bauman

Abstract

The article analyzes some of the prospects of development of the Concept of sustainable development as one of the possible philosophical foundations of modern Eurasian integration, the flagship of which becomes China. The concept of sustainable development in its present interpretation is considered from the standpoint of the contained meanings that are important for the traditional Chinese culture and ideology. Here is the conclusion about insufficient elaboration of this concept in Chinese language. Factors of international cooperation, strategically important in terms of the worldview of Chinese people, are considered.

KEYWORDS: Eurasian integration, sustainable development, the Project of a New «Silk Road», the Tang prize, ideologemes, «Xiaokang-Datong» Theory, environmental and technogenic disasters, fundamental scientific discoveries.

По замыслу идеологов евразийского движения, глобальная модель евразийской интеграции выходит за пределы стран СНГ. В «Манифесте евразийского движения» эти перспективы обозначены следующим образом: «Стратегическая интеграция внутренних пространств СНГ постепенно должна распространиться на весь континент – страны оси Москва-Тегеран-Дели-Пекин» [7].

Учитывая безусловное экономическое лидерство современного Китая, понимание направления современного евразийского движения невозможно в отрыве от осознания стратегии развития этой страны.

На сегодняшний день в Поднебесной речь идет о развитии «социализма с китайской спецификой», о построении до 2019 года общества «Малого процветания» и о переходе до

2044 года к обществу «Великого единения и гармонии». Эти модели описывают вполне самостоятельный путь развития китайского общества, принципы которого имеют крайне мало пересечений с понятийным аппаратом и образами современной европеизированной социологии и экономики.

В 2013 году председателем КНР Си Цзиньпином была также выдвинута стратегия развития «Экономического пояса Великого шелкового пути». По новому «Шелковому пути» Китай пойдет вместе со всей Евразией, включая Россию.

4 сентября 2015 года Владимир Путин и глава КНР подписали соответствующий меморандум об инициативе создания российско-китайского экономического альянса развития сотрудничества. В нем подчеркивается, что «Сотрудничество в области интеграции экономического развития в рамках сопряжения программ Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и программы Шелкового пути является приоритетным направлением в развитии экономик России и Китая, и будет способствовать динамическому расширению социально-экономического пространства двух стран» [14].

Вместе с тем в своей политической и научной риторике Китай обращается и к западным моделям развития. Речь идет, например, о концепции устойчивого развития, начало которой было положено еще в 1987 году Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию под руководством норвежского ученого, эколога и политика Гру Харлем Брунтланд. В 1992 году в Рио-де-Жанейро на конференции ООН по окружающей среде и развитию была принята Декларация и план по глобальному переходу человечества к устойчивому развитию. Сегодня положения этой концепции, так или иначе, развиваются во всех странах мира.

В Российской Федерации на государственном уровне также принят ряд документов, нацеленных на развитие национальной стратегии устойчивого развития. Одними из первых были Указ Президента от 1 апреля 1996 года о «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» и Национальный план действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1999–2001 гг. В настоящее время активно развивается научная школа устойчивого развития Российской академии естественных наук (РАЕН) и кафедры устойчивого инновационного развития Международного университета природы, общества и человека «Дубна», работает международная Научная школа устойчивого развития (руководители О.Л. Кузнецов, Б.Е. Большаков). [10, с.138-139; 3].

В Китае соответствующие стратегии сформулированы в документе под названием «Китайская повестка дня на XXI век – Белая книга о населении, окружающей среде и

развитии Китая в XXI веке». В этом документе в свое время были поставлены задачи на пятилетний план (1996-2000гг.) и обозначены некоторые перспективы развития вплоть до 2020 года.

Кроме того, особый интерес для выработки эффективной для всех сторон стратегии развития евразийского пространства совместно с китайской цивилизацией, представляет анализ учрежденной в 2012 году Отделением Международной инженерной академии на Тайване (президиум МИА действует в Москве под руководством руководителя Российской инженерной академии Б.В. Гусева) всемирной научной премии Тан. Лидер этого отделения миллиардер доктор Самуэль Иен Лян Ин учредил премию в научных областях, для которых не предусмотрена Нобелевская премия. При этом денежная награда для «танских» лауреатов не только превышает нобелевский бюджет и составляет около 1 400 000 долларов США, но также имеет приложение в виде гранта на исследования в размере порядка 341 000 долларов. «Азиатская нобелевская премия», как ее сразу стали называть в СМИ, присуждается один раз в два года по четырем номинациям, одна из которых как раз посвящена концепции устойчивого развития [12].

Примечательно, что первым лауреатом премии Тан стала как раз номинант этого научного направления – ведущий идеолог концепции устойчивого развития – Гру Харлем Брунтланд. Именно под ее руководством Международная комиссия ООН по окружающей среде и развитию опубликовала доклад «Наше общее будущее» и предложило фундаментальное определение устойчивого развития, под которым подразумевается развитие, которое «удовлетворяет потребности нынешнего поколения без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [10].

Концепция устойчивого развития стала гениальным политическим и мировоззренческим ходом глобального масштаба. И все же, несмотря на широту охвата, являясь наследницей европейской научной традиции, эта концепция, имеет свои принципиальные ограничения для ее понимания и приятия частью мирового сообщества, в том числе для китайцев.

С точки зрения концептуальной философии Поднебесной такие понятия как sustainable development (буквально с англ. «самоподдерживающееся развитие»), «устойчивое развитие» в русской трактовке, yongxu fazhan (с кит. «вечно продолжающееся развитие») не содержат никакого сколько-нибудь значимого для китайского менталитета и политики смысла. В основе идеологии современного Китая, как и прежде, лежит конфуцианство. В принципиальные формулировки национальных идей китайские политики включают

конфуцианские идеологемы, отражающие духовные ценности, действительно важные для народа и являющиеся «единицами идеологической картины мира» [9, с. 93].

Одной из наиболее глубоких идеологем, описывающих основу жизнеспособности китайской цивилизации, является «Дао». Она имеет множество абстрактных значений, таких как «путь», «истина», «поведение», «продвижение», «путь государя и Неба» и др. Кроме того огромное мировоззренческое значение для традиционной культуры Китая имеет категория «Хэ», обозначающая «согласие», «дружбу», «гармонию» как «основной принцип коммуникации, основную норму регулирования отношений между людьми, между человеком и обществом, между государствами [9, с. 93]. «Хэ» – это еще и гармония между человеком и природой: древними китайскими философами провозглашалось, что «необходимо охранять окружающую среду, только так люди могут быть счастливы и здоровы» [2, с. 58].

В 2014 году доктор Гру Харлем Брунтланн была награждена премией Тан с официальной формулировкой: «За нововведение, руководящую роль и осуществление концепции устойчивого развития, которая представила мировому сообществу научные и технические проблемы в достижении лучшего баланса экономического развития, целостности окружающей среды и социального равенства в интересах всего человечества» [17].

В этом тексте, казалось бы, содержатся крайне важные постулаты для всего современного человечества. Однако в действительности в этой риторике китайской стороны, как и в прочих текстах про устойчивое развитие, отсутствуют идеологические смыслы и идеологемы хоть сколько-нибудь значимые для самих китайцев, которые бы отражали их действительное отношение к миру, государству, нации, природе.

Кроме всего прочего, принципиальным для традиционной китайской культуры является глубокая вера в подчинение движений цивилизации циклическим сменам повторяющихся этапов развития и опора при принятии важных решений на знания об этих циклах. В китайском переводе устойчивого развития как «вечного» эта специфика также не находит никакого отражения.

Значительный пласт современной социально-экономической мысли разных стран мира описывает движение социальных систем по циклическим закономерностям. С этой точки зрения любая действенная стратегия развития общества не может быть построена без учета циклов перемен. Соответственно, чем более точны знания о них, тем надежнее прогноз и проект достижения желаемого будущего.

Существует ряд социально-философских парадигм, в том числе и российского происхождения, например циклы Кондратьева, которые описывают циклическую природу общества и закономерности его развития. Каждая из них помогает нам ориентироваться в будущем, что обуславливает популярность этих парадигм в современном обществоведении. Вместе с тем, по нашему убеждению, незаслуженно мало внимания со стороны мировой общественности сегодня уделяется прогнозным и проективным традициям Китая, основанным на циклах. Мир активно пытается заимствовать китайские стратагемы, но преимущественно этим все и ограничивается.

У Китая, имеющего богатую историю и философию, есть, что предложить Евразии. В этой связи определенный интерес представляет привлечение нетрадиционных (для европейского мировоззрения) источников знаний. Огромным познавательным и практически полезным потенциалом, с нашей точки зрения, обладают Канон перемен событий (включая «коды перемен», «законы перемен») и исторические закономерности развития Китая. Причем не только и не столько для самого Китая, сколько для всего мира.

В любом случае, для того чтобы говорить с Китаем на одном языке и более менее на равных с ним взаимодействовать, странам евразийского пространства, необходимо уметь переводить свою повестку дня на язык, образы и символы понятные и важные для китайцев. Не является исключением в этом плане и совместная разработка и реализация каких-то положений концепции устойчивого развития. В китайской традиционной культуре содержится много ценностных установок, которые служат основанием для долговечного «устойчивого» развития одной из самых древних цивилизаций.

Можно, конечно, лишь гадать об истинных намерениях учредителей премии Тан. Это и сильный политический ход против западных конкурентов, в результате которого, в частности, принижается статус многих ведущих международных научных премий, в том числе премии Нобеля. Это и попытка отдельной самостоятельной номинацией популяризировать в мировом масштабе синоведение. Помимо прочего – это еще и установка на поиск, создание и внедрение новых инструментов, которые помогли бы китайскому обществу перейти на новый этап процветания и благополучия.

Подобный исторический переход в своем развитии Китай уже когда-то совершал. В народной памяти китайцев эта эпоха прочно ассоциируется с «золотым веком» правления династии Тан. Не случайно в современном Китае для привлечения духа «золотого века», успеха и расцвета дел предприниматели вписывают в названия своих магазинов, гостиниц и прочих заведений иероглиф «Тан».

Идейно-теоретической основой современного развития Поднебесной выступают традиционные концепции «малого процветания» («сяокан») и «великого процветания и единения» («датун»). Конфуцианский канон определяет историю «Срединного государства желтых людей» (Китая) как циклический процесс переходов общества из состояния «хуньдунь» («хаоса») в состояние «сяокан», а затем, желательное, и в состояние «датун» – общество идеального состояния. Строительство в Китае общества «малого процветания» положено в основу многих государственных и партийных документов.

Изучая исторические подсказки прошлого китайские политики пытаются в настоящее время формировать предпосылки поворота страны в сторону общества «датун» [13]. Поскольку альтернативный путь развития – это падение в «хаос» и «развал». Руководство страны понимает, что оскудение и духовная пустота влекут за собой потерю «мандата Неба» на правление. Поэтому если ранее в концепции «сяокан» ориентиры развития общества рассматривались преимущественно с точки зрения экономической пользы, то сегодня на первый план выступает «духовное развитие, а также гармония между человеком и обществом, человеком и природой, внутренняя гармония человека с самим собой» [1, с. 17-18]. Современные китаеведы говорят об ориентации Китая на «расцвет Новой Тан» [13].

Возвращаясь к теме устойчивого развития в понимании китайцев, можно предположить, что попытки разобраться в этой концепции (например, в рамках той же самой премии Тан) отражают стремление китайцев преодолеть современные противоречия Китая в системе «общество – природа». Не вызывает сомнения, что именно экологические интенции концепции устойчивого развития наиболее близки китайцам, поскольку стабильность государственной системы управления в Китае во все исторические времена была напрямую связана с умением общества противостоять природным катаклизмам и их последствиям.

Естественно, что такие экологические проблемы, как загрязнение воды и воздуха, эрозия и истощение почвы, разные природные бедствия присущи не только Китаю и распространены повсеместно, и в огромном количестве по всей территории Евразии. Однако в Поднебесной в отличие от большинства стран Европы и Азии обуздание стихии носит глубокий мировоззренческий и принципиальный политический характер.

На протяжении всей многовековой истории Китая природные катастрофы заканчивались не просто гибелью людей, неурожаем, голодом, эпидемиям, но и влекли за собой негативные политические и социально-психологические последствия: подрывали доверие народа к правителям, приводили к общественному недовольству и восстаниям.

Многие политические реформы оказались в свое время тщетны как раз из-за неспособности властей обезопасить общество от экологических угроз.

На протяжении всей человеческой истории природные катастрофы и их разрушительные последствия представляли собой серьезный риск для сохранения социальной и экономической стабильности. Однако со времен средневековья начинают все более отчетливо проявляться принципиальные различия в социальной реакции европейского и китайского общества на стихийные бедствия. Так в понимании сути катастроф народами Европы отсутствовала идеологическая и политическая подоплека. В народном мировосприятии не было причинно-следственных связей между страданиями от разгула стихии и ошибками правителей. Более того, страдания трактовались как ниспосланное свыше испытание и божественное наказание людей за греховность.

В тоже время китайское общество в соответствии с глубокими патриархальными традициями возлагало на власть всю ответственность его за материальное благополучие и защиту. Правитель отвечал и за устранение последствий стихийных бедствий и даже был обязан предупреждать возможные угрозы. В этом заключались основные условия «сохранения устойчивости политической власти, социального порядка и экономической стабильности». Как отмечают современные исследователи, тема успешного противодействия природной стихии нередко использовалась властями Китая для самопиара [6]. Например, благодаря широкому освещению в прессе ликвидации последствий катастрофического наводнения на реке Янцзы в 1998 году авторитет армии и доверие к правительству в обществе значительно возросли [6].

Последствия любого крупного стихийного бедствия в Китае и сегодня выходят за рамки экологической проблематики. В последние годы ученые предупреждают об опасной тенденции роста ущерба от стихийных бедствий в Поднебесной, в результате расширения территории их распространения и увеличении частоты возникновения.

В период с 1991-2009 гг. в результате только различных метеорологических бедствий в среднем в год погибало 3973 человека, количество пострадавших составляло 400 млн. человек, пострадало также 48,4 млн. га посевных площадей. Отмечается увеличение и геологических катастроф (землетрясений и оползней), последствия которых гораздо более масштабные и печальные чем от атмосферных катаклизмов [6].

Только за первый квартал 2014 года природные катастрофы принесли 900 миллионов долларов ущерба [16]. Поэтому одним из приоритетных направлений китайской политики на сегодняшний день является развитие системы противодействия экологическим катаклизмам.

По сути технологии противостояния человечества природным и техногенным бедствиям, повышающие устойчивость государственных систем, – одни из главных технологий способствующих переходу общества в «датун».

На этой ниве борьбы с всевозможными катастрофами могло бы строиться и развиваться актуальное направление евразийского стратегического взаимодействия, так как многие другие государства сегодня заинтересованы в поиске технологий предупреждения и устранения экологических и техногенных угроз. Флагманом развития этой темы, как и многих других социально-экономических вопросов в мире, выступает Китай. Но, пожалуй, сфера «экологии» или экологической составляющей устойчивого развития может стать одной из немногих, в которой люди с европейской картиной мира смогут находить общий язык и искренний отклик в сердцах китайских политиков с наименьшими, чем в остальных вопросах, интеллектуальными затратами.

Очевидно, что в современных условиях невозможно построить внутренне гармоничное общество без выстраивания гармоничных отношений с внешним миром. Однако для Поднебесной понимание социально-политической гармонии также полно традиционной «китайской специфики». В соответствии с ней, гармония подразумевает ранжирование, классификацию, распределение по статусам и иерархиям всего и вся. Главный критерий в данном случае – соответствие движения пути Дао. Толкователями Дао признаются представители высшей власти, априорно обладающие в силу занимаемого ими места «мандатом Неба» на провозглашение и установление принципов гармоничного социального устройства.

В традиционной картине мира китайцев можно выделить следующую систему субъектов политического взаимодействия: «мы сами», «наши союзники» и «наши враги». Естественно, что каждой страте соответствует своя собственная стратегия поведения. Например, обидчика всегда ждет отмщение. Но месть осуществляется таким образом, что враг может долго и не догадываться о не дружелюбности того или иного китайского маневра. Наказание считается неотвратимым, но осуществляться оно должно, в первую очередь, максимально мирными средствами (тактиками «мягкой силой», «удушения в объятиях»).

Поскольку Китай в своих представлениях занимает центр, то весь остальной мир от него отстоит примерно одинаково. Помимо центра на ментальной карте мира Поднебесной есть и другие стороны света. Но они не соответствуют современным географическим ориентирам (например, Россия согласно китайским представлениям занимает «Восток») [4].

В такой ситуации евразийское пространство само по себе для Китая не представляет большой ценности. Более того, на многих ярких представителей мировой окраины (включая США, Японию, Германию, Францию, Италию, Россию и т.д.) китайцам есть за что «обижаться» и мстить.

Концептуальность китайской мечты заключается помимо всего прочего и в переносе своих стратегических границ за пределы национальной территории (например, в рамках проекта создания нового «Шелкового пути» под названием «Один пояс и один путь», см. рисунок ниже) и установление глобального лидерства. В этом для Китая, с точки зрения его исторической традиции и современной политики, по большей части и состоит смысл современной евразийской интеграции.

Выстраивание с Китаем гармоничных и добрососедских отношений в рамках евразийского движения подразумевает для России и остальных стран, в первую очередь получение в китайской ментальной картине мира статуса достойного уважения. Например, по модели «семьи народов», где по аналогии с китайской семейной традицией, младшие чтят старших, а старшие защищают младших и т.д. [5].

В любом случае, как бы то ни было, Китай во всех иерархиях будет отводить себе центральное место «пуха Земли», место лидера цивилизационного развития, за которым и вокруг которого в соответствии с витками Перемен естественным образом могут устремлять свое развитие остальные государства. Таким образом, Великое единение мира, для начала хотя бы в рамках евразийского пространства, с сохранением уникальности его субъектов, а также с идентификацией их статуса (социального, культурного, мировоззренческого) – может стать в представлении китайцев одним из принципов глобального устойчивого развития человеческой цивилизации в соответствии с «волей Неба» (Дао).

Однако если в китайском обществе что-то пойдет не так (не дай Бог, в результате стихийных бедствий, социальных волнений, утраты обществом традиционных духовных основ), это будет означать, что правитель Китая потеряет «мандат Неба» на правление, а период «сяокан» утратит Дао и общество соскочит на виток «хаоса» и развала.

По мнению экспертов Российской инженерной академии, кроме всего прочего современное общество «стало заложником всеобщего системного кризиса, в основе которого острый дефицит времени осмысления критических гомеостатических процессов, приводящих к трагическим последствиям. Устранить дефицит времени для принятия адекватных управленческих решений и реализации эффективных мер предотвращения экотехнологических катастроф возможно только на основе фундаментальных научных

знаний, глубокого понимания физики причинно-следственных процессов природно-технических систем (ПТС) и достоверной информации об этих процессах». [15, с.152]

Одним из путей удержания Дао, с дальнейшим его постижением и переходом общества в «датун» является создание новых Знаний о мире – фундаментальных научных открытий. Глубинное постижение природы материи, открытие новых физических принципов, новые грани природной математики приближают общество к пониманию гармонии Природы и, соответственно, самого Дао. Благодаря таким знаниям возрастают возможности не только для построения новой более комфортной и безопасной техносферы, но и для усовершенствования картины мира, а также для создания новых социальных технологий, гармонизирующих жизнь человечества [8].

В этой связи разработка, популяризация и внедрение эпохальных инноваций и новых философских концепций мироздания (являющихся для всего информационного поля транскультурными и метасистемными) могли бы стать дополнительным фактором взаимовыгодной интеграции субъектов Евразийского пространства от России до Китая.

Поиски таких знаний необходимо стимулировать, прорывные научные результаты должны получать всестороннее признание и поддержку, в том числе посредством выдвижения на премию Тан и другие, значимые в мировом масштабе конкурсы. Однако, к сожалению, научные открытия практически во всем мире не охраняются законом, а их защита (хотя бы авторского права) целиком и полностью ложится на плечи заинтересованных лиц и зависит лишь от их способностей что-то защитить. Следовательно, когда речь идет о развитии значимых для человечества научных достижениях, заботу о его создателях должны брать на себя настоящие политические тяжеловесы на уровне государственной власти.

Литература

1. Бальчиндоржиева О.Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ. Автореферат дис. докт. филос. н. — Улан-Удэ. 2015.
2. Бальчиндоржиева О.Б. Социальная гармония в китайской философии / Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 58–63.
3. Большаков Б.Е. Наука устойчивого развития. Книга I. Введение. — М.: РАЕН, 2011. — 262 с.
4. Девятков А. Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке. — М.: Алгоритм: Алгоритм-книга, 2002.
5. Девятков А. «Святая Русь и Китай когда-то жили в одном государстве». Газета «Культура. Духовное пространство русской Евразии»: 17.06.2014 [Электронный ресурс]. — URL:

<http://portal-kultura.ru/articles/best/47576-kitaist-andrey-devyatov-svyataya-rus-i-kitay-kogda-to-zhili-v-odnom-gosudarstve/>

6. Донская А.Е. Стихийные бедствия и проблемы социальной стабильности в позднеимператорском Китае, 2-я половина XIX - начало XX вв. Дис. канд.ист.н. — СПб., 2002.
7. Евразия превыше всего (манифест евразийского движения) [Электронный ресурс]. — URL: <http://evrazia.info/article/1838>.
8. Егорова М.Ю. Открытие как ключевой фактор устойчивого развития: проблемы и перспективы // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление: Т.7. №4 (13). 2011. Ст.1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rypravlenie.ru/wp-content/uploads/2012/03/7-4-Egorova.pdf>
9. Иванченко Н.В. Идеологемы конфуцианства в современном китайском тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (43) 2015. Часть 2. С. 92-94.
10. Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е. Русский космизм, глобальный кризис, устойчивое развитие // Партнерство цивилизаций №1–2/2013.
11. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) // под. Ред. Евтеева С.А., Перелета Р.А. — М.: Прогресс, 1989. — 376 с.
12. Международная премия Тан // Материалы сайта Международной инженерной академии [Электронный ресурс]. — URL: <http://info-iae.ru/ru/mezhdunarodnaya-premiya-tan>.
13. Регентов Д.П., Девятков П.А. Сакральная сторона китайской политики (ХУНЬЛУАНЬ – СЯОКАН – ДАТУН). 2013 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.peremeny.ru/books/osminog/8604>
14. Россия и Китай создают экономический альянс «Шелковый путь»: 4.09.2015 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1963079.html>
15. Сперанский А.А., Галушкин Ю.А. Достоверные знания как концепция экотехнологического мониторинга интересах устойчивого развития (часть 1) // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. Электрон.журн.: Т.7. № 3 (12). 2011. Ст. 7 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rypravlenie.ru/wp-content/uploads/2011/12/7-Speranskii.pdf>.
16. Стихийные бедствия в Китае за первый квартал 2014 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://stormnews.ru/archives/5380>
17. Tang Prize in Sustainable Development [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.tang-prize.org/eng/Publish.aspx?CNID=296>.